

Вадим Панов

Четвертый сын

Часть сборника
Eurocon 2008. Спасти чужого
(сборник)

Вадим Юрьевич Панов

ЧЕТВЕРТЫЙ СЫН

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

«Ворожба закончилась. Растаяло видение, оборотившись медленными кругами на воде. Разбежалось увиденное, но еще не наступившее, рассыпалось в ничто, притаилось до срока в темных углах, куда не добирается огонек лучины, исчезло, оставив только след в памяти.

Очень глубокий след...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Вадим Панов

Четвертый сын

1

Ворожба закончилась. Растаяло видение, оборотившись медленными кругами на воде. Разбежалось увиденное, но еще не наступившее, рассыпалось в ничто, притаилось до срока в темных углах, куда не добирается огонек лучины, исчезло, оставив только след в памяти.

Очень глубокий след.

С тяжелым вздохом Гаруса отодвинула от себя плоску и тихонько выругалась, используя, само собой, человекские ругательства – в языке народа Мышиных гор грубые выражения отсутствовали. А затем, не сумев облегчить душу одними только словами, женщина грубым жестом смахнула глиняную плоску на пол, резко вскочила и принялась яростно топтать ни в чем не повинную посудину, выплескивая из себя ненависть, злобу и страх – все, что подарила ей ярость.

– Скоты! Уродливые скоты! Обожравшиеся селедкой звери!

Полная ушла, веселись, ралан хей!

Полная ушла, ралан хей! Ралан хей!

А тот, кто полную не взял,

¹ Взаимосвязан с рассказом Алексея Пехова «Лённарт из Гренграса». См. сборник «Убить Чужого».

Тому Расмус Углежог лишь половинку дал.
Полная ушла, веселись, ралан хей!
Орали снизу пьяные человеки.

На первом этаже трактира, в низеньком душном зале, пропахшем отрыжкой и потом, шло гульбище: то ли именины справляли, то ли похороны. Обалдевшие от длинной северной зимы крестьяне и лесорубы прикончили не один бочонок пива, разбавили его глёгом из кислого дешевого вина и теперь горланили песни, да хватали за бока толстых собутыльниц. Довольные повизгивания последних смешивались с воплями мужиков.

– Уроды! – Гаруса сжала кулаки. – Ублюдки!

В Мышиных горах праздники справляли иначе – организм нигири алкоголь не принимает, потому сородичи Гарусы веселились по-настоящему, не затуманивая головы всякой дрянью. Смеялись, танцевали и пели искренне, потому что хотели смеяться, танцевать и петь. Потому что праздник. Впрочем... Мышиные горы далеко. А пьяные человеки рядом.

Да плевать на человеков!

Будущее, отвратное и беспощадное будущее, открывшееся в ворожке, занимало мысли колдуньи.

Два месяца. Через два месяца Хельга скажет: «Он виноват!» – и все будет решено. Ничего не поправишь. Ничего не изменишь.

Два месяца.

Ворожба на столь короткий срок получалась великолепно, видна была каждая деталь, каждая фраза, каждый жест. И еще она была очень точной. Все будет именно так. Хельга скажет: «Он виноват!»

– Твари!

Гаруса взвыла, но тут же закрыла рот руками – услышат! – бросилась на кровать, уткнулась лицом в подушку, заглушила тоскливый крик пером и вонючей тканью, в которую его завернули.

Два месяца!

Подождать? Но хватит ли времени? Завтра его увезут. Конечно, можно узнать куда, можно добраться до своих и все рассказать. Старейшины обязательно постараются помочь, но ворожба... Ворожба показала, что Хельга скажет: «Он виноват!» А значит, старейшины не успеют.

И если кто-то и может все изменить, то только она, Гаруса. Ей решать, что случится через два месяца. Только ей.

Колдунья прошлась по малюсенькой комнате. Стол, три шага вдоль кровати – дверь, разворот, три шага вдоль кровати – стол, разворот... Лучина едва освещает потемневшие от времени стены, хорошо еще, что не сырые. Пахнет всеми, кто останавливался в этой конуре до нее, всеми сразу и каждым по отдельности. Запахи сливаются в привычную вонь придорожных трактиров, на которую обращают внимание лишь случайно оказавшиеся здесь изнеженные аристо-

краты да чистоплотные нигири.

«Два месяца!»

Как же трудно решиться...

До Мышиных гор рукой подать. Дорога займет не больше четырех дней, но... Но этот путь Гаруса собиралась совершить не раньше, чем через неделю. Вернулась гнилая лихорадка, которую женщина подхватила еще летом, в столичных болотах, и заставила нигири задержаться в человековском городишке. Болезнь вымотала, лишила сил, превратила черную татуировку на лице в серую.

Лихорадка.

Гаруса понимала, что четыре дня верхом, да еще зимой, ей не вынести. Болезнь еще не ушла. Болезнь выпила почти все соки. Болезнь...

«Ты думаешь не о том!» – резко одернула себя колдунья.

И сама удивилась мысленному окрику.

«Если не торопиться и ехать медленно, то шанс есть. Два дня до Хуснеса, день до Федхе, и день до отрогов. Бразар не болен, все это время он отдыхал, он справится».

«Четыре зимних перехода?»

И она вдруг поняла, что решение принято.

Как же просто все оказалось. Сказать: «Надо», и согласиться: «Да, надо». Неуверенность, страх, жалость к себе – ерунда. Ведь она действительно должна это сделать, просто должна, такое емкое слово – должна... И делает. А значит, долой неуверенность, страх и жалость к себе. Слезы вы-

сохли. Рывания, вызванные бессильной яростью, ушли. Ибо ярость обрела силу. Те капли, что еще оставались в теле женщины. Теперь она знала, что делать, и думала только об этом.

«Четыре зимних перехода?»

«Я справлюсь».

«Умрешь в пути!»

«Посмотрим».

«Скоро Отиг! Что будет, если он застанет тебя в дороге?»

«Не застанет! Я успею!»

«У тебя нет сил ехать верхом».

«У меня есть ремни: привяжусь к седлу и доеду».

«Не хочешь поворожить на свое будущее?»

Рука машинально потянулась к валяющейся на полу плошке. Налить воды, узнать...

Гаруса покачала головой: «Хватит на сегодня ворожбы. Все, что нужно, я уже знаю. А моя судьба в моих руках».

Она переступила через плошку и стала собираться. Нужно расплатиться с хозяином трактора, снарядить Бразара и... и кое-что забрать.

* * *

Обитатели Мышиных гор отличались от людей. Или люди отличались от них? Весь вопрос в том, кто был первым? Человеки забыли ответ, они вообще плохо помнили прошлое, а нигири не хотели им напоминать. Не боялись, не опасались,

а именно не хотели. Потому что знали – забудут. Вот и казалось всем, что это не люди отличаются от нигири, а наоборот: нигири от людей.

Беличьи уши с пушистыми венчиками кисточек; огромные, синие, как тысячелетний лед Грейсварангена, глаза; щечечущие, похожие на птичьи, голоса... Но самое главное – магия. Давно ушедшие боги отняли у людей способность к волшебству, а вот у нигири она осталась. Покрытые черными татуировками колдуны умели вызывать ветер и утихомиривать его, управлять косяками рыб и стадами диких оленей, излечивать от болезней и страшных ран и находить железо. Они много чего умели, колдуны с синими глазами, а люди не любят тех, кто умеет больше них. Короли и герцоги улыбались старейшинам нигири, обещали мир и вечную дружбу. А по ночам их вассалы жгли деревни синеглазых колдунов и убивали детей с беличьими ушками. Магия помогает в жизни, но не делает всемогущим. Волшебник в состоянии справиться за раз с десятком бойцов, но что делать, когда в деревню врываются три сотни обезумевших насильников? Когда горят все дома? Когда кричат все женщины? Когда из ночи летят стрелы, и, брызгая слюной, лают натасканные на нигири собаки?

Спасаясь от человековской злобы, маленький народ переселился далеко на север, заперся в скалах и не особенно привечал гостей. Сами нигири, случалось, заезжали в селения, даже до столицы добирались – выгнав чужаков с плодород-

ных земель, человеки позабыли о ненависти, – а вот люди в Мышинные горы не стремились.

* * *

Бразар коротко всхрапнул и, неловко переступив, остановился.

– Еще чуть-чуть, – едва слышно попросила Гаруса. – Пожалуйста, еще чуть-чуть.

Но видела – мольбы напрасны. Тарвагские скаковые козлы славились силой, невероятной выносливостью и чутьем. Они безошибочно шли по тропе, укрытой снегом любой толщины, распознавали припорошенные полыньи и легко скакали по обледенелым скалам. Длинная густая шерсть надежно защищала от морозов и козла, и всадника: случись буран, они садились на снег и пережидали непогоду тесно прижавшись друг к другу. Зима – родная стихия странных тарвагских скакунов, в северных землях им нет равных. Нет.

Вот только буран не случился. Зато выскользнул из-под раздвоенного копыта камень, и Бразар потянул заднюю ногу. Потянул так, что с трудом поднялся – тогда они завалились в снег – и долго тряс поврежденной ногой, надеясь привести мускулы в порядок. Исцелять Гаруса не умела, просто заглушила магией боль Бразара и вновь приказала скакать к горам.

Позволить ему идти шагом Гаруса не могла – наемник со-

всем рядом.

Первые человеки, которых послал за ней староста Гунса, прекратили погоню в тот же день. Потеряли след, безмозглые стражники, утопили в незамеченной полынье одну из казенных лошадей, переругались – колдунья потратила часть магии, чтобы подслушать их разговоры – и ни с чем вернулись в городок. Пить пиво в ожидании весны. Однако обрадоваться такому исходу дела Гаруса не успела. Едва стражники повернули назад, как их место занял другой человек. Молчаливый одиночка, которого трактирщик из Хуснеса – этот разговор колдунье также удалось подслушать – назвал Леннартом Изгоем. И этот преследователь был куда опаснее предыдущих – Гаруса чуяла угрюмую ауру безжалостного охотника за головами, непонятно каким ветром занесенного в северное захолустье.

«Это судьба, – усмехнулась нигири, соскальзывая со спины вымотанного козла. – Предсказания должны сбываться, иначе в них нет смысла».

Лихорадка, лишившая ее сил – вывернувшийся из-под копыта камень – страшный наемник за спиной. Колечки случайностей, нанизанные на исчезающее время. А в финале – невозмутимый Орвар Большое Брюхо. Но сожалеть не о чем – Гаруса сама выбрала свой путь.

Женщина подошла к пошатывающемуся козлу и правой рукой – левой она прижимала к груди объемистый меховой сверток – ласково потрепала его по морде.

– Устал, Бразар?

Скакун снова всхрапнул и ткнулся Гарусе в плечо.

«Зачем спрашиваешь, хозяйка? Неужели не понимаешь?»

– Я все понимаю. А ты?

Козел вздохнул. Он тоже все понимал.

Тарвагские звери не только сильны и выносливы – они умны. А уж те из них, кому доводится служить колдунам, со временем начинают улавливать и мысли, и эмоции хозяев. Бразар чувал смерть, дышащую им в спину. И видел смерть, ждущую впереди. Бразар все понимал, но не обвинял Гарусу, добрую хозяйку, приведшую его к гибели. Потому что знал: она протянет ненамного дольше. Лихорадка в ее глазах была лишь отражением пламени, что разгоралось внутри. Смертельного пламени.

Посреди заснеженного поля, на лютном ледяном ветру двое обреченных смотрели в глаза друг другу. Нигири и зверь. А по их следу шел безжалостный человек.

– Мы должны идти, – прошептала женщина. – Иначе все напрасно. Абсолютно все.

Она умела найти правильные слова, добрая хозяйка Гаруса, приведшая их к гибели. Упрямство – черта, может, не лучшая, но в какой-то момент только оно способно придать сил. Только оно. И еще злость.

На этот раз Бразар фыркнул. Не устало, не уныло – яростно.

«Моя смерть не будет бессмысленной!»

И ударил копытом по снегу.

Он бодрился, бодрился из последних сил, потому что знал: без него добрая хозяйка не продержится и двух часов. Пока он рядом – есть надежда. Пусть даже он не может скакать. Пусть. Пока он рядом – ей проще. Значит, он должен быть рядом, пока может.

– Отдохни чуть-чуть, – тихо сказала Гаруса. – А я попробую уравнять шансы.

Скакун с наслаждением опустил на снег – эх, поспать бы! – женщина положила рядом с Бразаром меховой сверток, укрыв его от пронизывающего ветра, и отошла шагов на десять назад, по следам, что оставил на снегу козел.

– Надеюсь, человек, ты будешь достаточно туп, чтобы попасться в мою ловушку.

Гаруса сняла меховые рукавицы, подула на вмиг заочевшие руки и принялась медленно – пальцы сводило на стылом ветру – увязывать в полотно магические нити. Один узелок, второй... Две красные сплетаются с черной. Белую почти не видно, но она нужна.

«Сосредоточься, Гаруса! Без белой нити ничего не получится! Четыре! Четыре узелка на ней!»

В рукавицах или перчатках полотно не сплетешь, а на морозе пальцы деревенеют мгновенно. Перестают слушаться, теряют ловкость. Четыре узелка на едва различимой в пурге белой нити – как четыре ледяные вершины, на которые нужно взойти обнаженной. А ведь ее еще нужно сплести с

остальными, выложить на снегу злой узор, налить в него яду. И все – на ветру, незащищенными руками. Будь сейчас лето и будь у нее больше сил, Гаруса приготовила бы наемнику ловушку получше, сплела бы не полотно на земле, а шатер из тонких нитей, в котором запутались бы и конь, и всадник. Но сейчас даже ядовитый платок дался женщине с огромным трудом. Небольшой, плохо замаскированный, он лежал прямо на следах Бразара. Стоит преследователю проехать в стороне, и усилия Гарусы пропадут – сшитое непослушными пальцами полотно останется нетронутым, поджидая другого прохожего.

– Надеюсь, человек, ты будешь достаточно туп, чтобы попасться в мою ловушку, – повторила женщина, обращаясь то ли к скачущему за ней убийце, то ли к богам. – И не сразу поймешь, почему твой конь споткнулся.

Если конь Леннарта ступит на платок, а сам он не поторопится спрыгнуть, то погоня на этом прекратится. Если наемник окажется шустрым, погибнет только скакун. Если же убийца проедет в стороне...

Об этом Гаруса думать не хотела.

Закончив колдовать, она вернулась к Бразару, уселась перед ним и тихонько заплакала. Не от отчаяния – у нее еще были силы продолжать борьбу, не от боли – руки, обожженные ледяным дыханием зимы, еще не успели согреться, еще ничего не чувствовали. Вполне возможно, они никогда ничего не почувствуют. Почернеют, и...

Да какая разница, что станет с руками? Жить-то осталось...

Гаруса плакала, чтобы набраться сил. Чтобы выдавить из себя и отчаяние, и боль, и безнадежность, и жалость к Бразару. Плакала, чтобы избавиться от беспросветной тьмы, поглощающей душу. Плакала, чтобы выдавить из себя слабость.

Потому что до тех пор, пока внутри горит огонь, даже смертельный, она не проиграет. Не сможет проиграть.

Скакун потерял носом о плечо женщины.

– Да, Бразар, нам надо идти, – согласилась Гаруса, утирая слезы. – Надо идти. Мы должны добраться до отрогов до темноты...

Ничего не чувствуя руками она прижала к груди меховой сверток и, пошатываясь, пошла за ковыляющим козлом.

«До темноты, Бразар, у нас есть время только до темноты. Мы должны добраться до отрогов до того, как наступит Отиг...»

Но понимала: не успеют.

* * *

Самая длинная ночь в году. Самая холодная. Самая страшная.

Просто Отиг.

Одно из тех правил, что существовали с зарождения мира, – ночь, отданная под абсолютную власть тьмы. Непреступная стена, отгораживающая людей и нигири от порождений зла, падала, и создания мрака становились полноправными хозяевами заснеженных просторов. Играла бесконечную свадьбу Ледяная Невеста, весело губя попавших в хоровод горемык. Мчалась по полям Дикая Охота, до смерти засекая припозднившихся путников кнутами или травя адскими псами. Угрюмый Расмус Углежог перетирал несчастных в стылый черный порошок, а рыжая бестия Дагни Два Сапога задорно топтала людей в вихре кровавого танца.

Просто Отиг.

Ночь тех, кому ненавистны и люди, и нигири.

Спасти от сумрачных тварей можно было лишь в доме, у горящего очага, крепко накрепко закрыв дверь и повесив на окна тяжелые ставни. Так повелели древние боги, и это было еще одно нерушимое правило: если у тебя есть крыша над головой, ты выживешь. И поэтому самую длинную в году ночь люди не спали. Сидели у очага, подбрасывая в спасительное пламя смолянистые поленья, ели оленину с брусникой, пили пахнувший миндалем и гвоздикой глэг и вели длинные разговоры о Тех, Кто Прячется В Ночи. В первые часы бдения с детства знакомые байки казались страшными, почти правдивыми; истории о пропавших во время Отига приятно щекотали нервы, мурашками бежали по коже, вызывая желание опрокинуть еще кружечку и поведать

свою собственную сказочку: «Случилось это прошлым годом в Федхе...» – на самом деле – слышанную в детстве от бабушки. Постепенно хмель ударял в голову, голоса становились громче, таинственный шепот сменялся раскатами хохота, и вот уже Ледяную Невесту называют старой девой, Охотника – браконьером, получившим хороший урок от храброго лесника, Расмуса – неудачливым олухом, не сумевшим продать подмоченный уголь заезжим купцам, а кровопийцу Дагни – ненасытной шлюхой.

Утро люди встречали по-разному. Кто-то просыпался в объятиях красотки – через девять месяцев после Отига в северных землях регулярно случалось массовое прибавление детишек. А кто-то вылезал из-под стола, оглядываясь, чем бы опохмелиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.